

Алла Лагутина

МОС
КОВ
СКИЕ
ДЖУНГЛИ

Алла Лагутина

Московские джунгли

«Издательские решения»

Лагутина А.

Московские джунгли / А. Лагутина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930434-6

В остросюжетный роман-триллер о буднях московских красавиц-моделей вплетается сказочная нить о волшебных перевоплощениях, духах и звериной жажде крови. Как защититься от повседневного и обыденного зла? Лиля находит неожиданный ответ в своем прошлом и тесной связи с отцом. Чтобы жить, нужно подружиться со Зверем, таящимся внутри нее. Чем же закончится история о дружбе Лили и Алены, искусстве камлания и кровожадном маньяке?

ISBN 978-5-44-930434-6

© Лагутина А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Московские джунгли

Алла Лагутина

© Алла Лагутина, 2018

ISBN 978-5-4493-0434-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Алену Шмелеву многие считали баловнем судьбы, а она и не спорила.

Ей даже нравилось притворяться воздушной.

«Принцесса» была любимой из ее масок.

Нет, если надо было, она могла воплотиться и в «разбойницу», тем более что все детство и часть юности провела в таких краях, о которых и вспоминать не хочется. Но в местах тех невозможно было выжить без навыка отгонять приставшего на улице пьяницу с помощью перочинного ножа, крепкого слова и таланта вовремя почувствовать момент, когда надо вывернуться и бежать. Такие ситуации с ней не раз и не два случались. В ее городке это было нормой – девочку красивую прижать. А то, что Алена расцветет и станет красивой девушкой, было всем очевидно уже с ее девяти лет.

Прекрасный белый лебедь в стае пыльных помоечных голубей.

Ее родители были такими помоечными голубями: выцветшие фотографии в скудном семейном альбоме говорили, что у матери было когда-то человеческое лицо, да вот только Алена не застала этих светлых времен. На фотографиях мама была кудлатой блондинкой с озорной улыбкой, ямочками на полных белых щеках и кокетливо завитой в пуделиный кудлек челочкой. Она носила красные сарафаны в горошек, туфли на каблуке-рюмочке и белую атласную ленту в волосах. Алене хотелось бы запомнить ее такой, а не той мамой, которая каждое утро грубо сдергивала с нее колючее шерстяное одеяло и хрипло командовала: «А ну в школу давай дуй!.. Нет, к холодильнику даже не подходи, в школе тебе кашу выдадут. Дармоедка!»

Нищета делает многих людей злыми. Это происходит очень быстро.

Когда-то мамину жизнь сломал один-единственный неверный поступок. Молоденькая романтичная мама... Тогда еще не мама, а просто милая Танюшенька; бабушка называла ее так, Танюшенькой, и невольно все подружки переняли, и Юра тоже. Танюшенька, студентка педагогического института, переживала боль первого в своей жизни расставания. Был у нее жених. Юра. Она до самой смерти того Юру вспоминала, хотя встречались-то они всего ничего – три месяца. Но, как это бывает в юности, эти девяносто дней вместили в себя целую альтернативную жизнь: они успели и запланировать совместную старость, и намечтать собственный домик в Ялте (разумеется, с дивным садом, где уже в феврале зацветает миндаль), и тысячи раз прошептать «люблю». Юра собирался стать летчиком.

Мама однажды пожаловалась Алене, что уже и не помнит его лица. Отец заставил порвать все Юрины фото – ревнивым очень был. А без фотографий облик померк очень быстро. Память его вытеснила. Может быть, это была такая защитная реакция ее психики – не вспоминать о былой сладости. Иначе как смириться с мраком будней, если знать, что судьба давала тебе шанс на счастье? Она могла бы быть замужем за летчиком! Могла бы не считать копейки, не штопать чулки и не терпеть мужнины побои, а перелетать из Сингапура в Марокко, пить крепкий кофе на мраморных верандах хороших отелей и носить туфли из кожи питона.

Да, Юра она толком не помнила. Но с удовольствием снова и снова рассказывала то, что в памяти осталось: высокий, сероглазый, светленький, с военной осанкой и низким голосом, от которого мурашки по коже.

Видимо, не одной Танюшеньке он казался идеалом. В юности все это быстро происходит. Как говорится, красивая и смелая дорогу перешла. Мама рассказывала Алене, что даже вены резать пыталась, и шрамы зажившие показывала – словно даже гордилась этим. Словно такая вот готовность бездарно отказаться от возможности жить и была доказательством ее настоящей любви.

И вот, оставшись без жениха-летчика, пребывая в состоянии жестокой депрессии, мама и сделала тот неверный шаг, который на всю жизнь заточил ее в аду.

Брошенная Танюшенька начала жаловаться всем подряд на горькую судьбинушку и невыносимое одиночество, и вот какая-то жалостливая подруга выдала ей почтовый адрес своего дальнего родственника, который, по словам той подруги, тоже был красавцем мужчиной, тоже высоким и с военной выправкой, тоже белокурым и с глазами цвета стали. И может быть, тоже стал бы летчиком, если бы восемь лет назад в пьяной драке не зарезал человека. И вот теперь он коротает дни в местах не столь отдаленных и с удовольствием будет переписываться с такой милой блондинкой, как она. Любит он блондинок кудрявых, так-то.

И не то чтобы Аленина мама так уж стремилась в объятия отбывающего срок убийцы... Но было дождливое лето, было так скучно и тоскливо. Терять было совершенно нечего, как ей тогда казалось. Ну и написала она небольшое письмецо, отправила.

Ответ пришел на удивление быстро. Письмо заключенного маме понравилось. Он называл ее пусть не Танюшенькой (откуда бы ему знать, ведь подписалась-то она Татьяной), но тоже ласково – Танечкой. Не сделал ни одной грамматической и пунктуационной ошибки (что для нее, как для будущего педагога, было своеобразным знаком качества). У него был слог человека, который много читает и много думает. Ну правильно, а что ему еще делать восемь с лишним лет взаперти!..

Завязалась у них переписка, и уже спустя несколько месяцев она отправилась на первое свидание. Даже специально платье сшила из белой марлевки. Идиотка. Но кто же знал. Летчик Юра был забыт. И по сравнению с новым принцем, настоящим мужчиной, казался тюфяком, горя не нюхавшим. А ведь именно пережитое горе воспитывает мужественность – это каждому романтичному будущему педагогу известно.

И пусть Виталий оказался не таким уж красивым, высоким и широкоплечим, как рекламировала подруга (честно говоря, Таня сначала в шоке от его внешности была – худой какой-то, сутулый, лицо землистое, брови лохматые и с сединой, хотя на тот момент ему было тридцать с небольшим), но зато он так влюбленно смотрел и так ласково говорил... А у Тани было богатое воображение. И она успела влюбиться заранее, заочно. Так что образ придуманного Виталия довольно быстро съел Виталия настоящего, и к концу двухчасового свидания ее сердце уже пело и вибрировало.

Уезжала Таня влюбленной и окрыленной.

А потом – письма, телефонные звонки, редкие встречи, тяжеленные сумки, которые она на своем горбу раз в три месяца тащила в колонию. Неприятие родителей.

Препятствия укрепляют любовь. Татьяна чувствовала себя практически Джульеттой. В сущности, до этой встречи у нее была такая пресная жизнь. Обычная тихая девочка из семьи инженеров, распланированное будущее – вот закончит институт, будет учить малышей писать «жи» и «ши»... И вдруг такой накал страстей!

Расписались они в колонии, тайно. Таня уже постфактум показала родителям штамп в паспорте. Отца тут же увезли на скорой с микроинфарктом. А мать сказала, что Таня может забыть о ее помощи и не рассчитывать на кусочек московской квартиры – все достанется ее брату и сестре.

Тане же все было нипочем. Впервые в жизни она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Впервые в ее жизни появился смысл.

Прошло еще два года – и Виталия выпустили на свободу. Как она мечтала об этом дне, как сотни раз представляла себе счастье, которое начнется, когда она наконец сможет общаться с любимым без участия конвоиров и охранников!

Реальность, как водится, оказалась намного более унылой.

Да, были радостные слезы встречи, да, была целая неделя счастья... А потом все как-то покатило по наклонной. У Виталия не было ничего, кроме комнатки в коммуналке, в доме

барачного типа, в дальнем Подмоскowie. Пьющие соседи, санузел на улице, картонные стены и полный беспросвет. Когда он придумал обменять свою долю в коммуналке на малогабаритную квартиру в том самом захолустном далеком городке, Тане даже не показалась такой уж чудовищной эта идея. Новые приключения, новые места... Она радостно собрала вещи и последовала за мужем, чувствуя себя почти женой декабриста.

И начались серые будни. Он устроился работать на завод. Она собиралась пойти преподавать в местную школу, но почти сразу же забеременела Аленой. Беременность была тяжелой – токсикоз, изжога, низкое давление и прочие прелести. Виталий тогда еще играл в «настоящего мужика» – щедро позволил ей не работать.

Сам он зарабатывал мало. Едва сводили концы с концами. Тане приходилось придумывать, как накормить голодного мужика изысканным блюдом из картошки и макарон. Пыталась что-то там придумывать. А он приходил с работы уставший и злой, часто срывал плохое настроение на ней.

Куда делась его забота? Почему так быстро забылись обещания превратить ее жизнь в сказку?

То есть, может быть, это и была сказка – но такая мрачноватая, средневековая, с дурным концом.

Алена родилась слабенькая и беспокойная. Плакала ночи напролет – Виталий и в этом обвинял жену. Сначала просто покрикивал на нее, потом и поколачивать начал. А Таня не выкла к такому, не было у нее опыта противостоять хамам. Так и плыла по течению, даже почти не пытаясь барахтаться. Очень быстро потеряла себя – обабилась, посерела, начала носить бесформенные халаты, перестала подкрашивать свои кудряшки.

И пойти ей было некуда. Друзей в новом городе у нее не получилось завести. Все ее общение – это собутыльники Виталия да их жены, бесцеремонные и грубоватые. Однажды Таня в отчаянии набрала номер московской квартиры – Алене тогда уже два года было. Думала, может, мать узнает, что есть внучка, отгадет, позовет к себе... Но та, едва голос дочкин услышав, просто трубку бросила.

Самое главное чувство Алениного детства – страх. Забившись под накрытый изрезанной клеенкой кухонный стол, она дрожала от страха. Мать с отцом постоянно скандалили. У них было два режима общения. Либо они перебрасывались короткими фразами: «Яйца на завтрак свари», «Вот деньги, много не трать, это на два месяца», «Заткни эту малолетнюю сучку, хочу выспаться перед сменой», – либо орали друг на друга, как актеры дешевой итальянской пантомимы. Алена помнила, как однажды отец схватил мать за волосы и швырнул ее в стену. У мамы потом кровь по лицу текла, и Алена тихо плакала от страха под столом.

У нее была единственная мечта – поскорее вырасти и убраться ко всем чертям из этого ада. Повзрослеть ей пришлось рано. У матери просто не было моральных сил о ней заботиться. Лет с семи Алена заботилась о матери – позволяла той подольше полежать утром в постели, а сама вставала к плите, чтобы сварить для отца непременно овсянку.

Небольшой городок поселкового типа. Еще с советских времен сюда съезжались те, кому не нашлось местечка даже на окраине благополучной жизни, – в основном бывшие заключенные.

У нее не было друзей. Алена родилась тут и, по логике, должна была пропитаться местной культурой и атмосферой. Но почему-то этого не произошло.

Все начали говорить о том, что девка растет красавицей, когда она еще в начальной школе училась. Все обращали внимание на то, какая она рослая, какие длинные у нее ноги, какие тяжелые русые волосы и какого необычного – мутновато-зеленого – цвета глаза.

Ей было двенадцать, когда один из собутыльников отца подкараулил ее в подъезде, прижал к своей пахнущей табаком куртке, задрал ее школьное платье и начал шарить своей

чумазой ручищей в ее колготках, пытаясь проникнуть под трусы. Алене тогда чудом удалось вырваться. Она, конечно, все рассказала отцу, но тот встал на сторону друга: мол, наверняка она сама заигрывала, потому что вся в мать, шлюху. Мама тоже не встала на ее защиту. Не обвиняла Алenu, даже утешала, но и вмешиваться не пыталась.

– Ты, дочка, в подъезде лучше больше одна не шастай.

– А что мне делать? Ты меня в школу, что ли, провожать будешь?

– Нет, но... Короче, поменьше шастай.

– А если он опять...

– Да не будет ничего! Может, ты вообще преувеличиваешь. Начиталась всякого, придумала там себе, что все в нее влюблены...

Больше Алена матери ни на что не жаловалась. А что впустую воздух сотрясать?

Прошло полтора года, и судьба подарила ей тот единственный шанс, который и позволил ей вырваться из ада и стать тем, кем она в итоге и стала. Когда-то ее мать сделала один неверный шаг – и пустила под откос свою жизнь. А вот Алена смогла улучшить момент, чтобы сделать правильный шаг, – и одно незначительное событие перенесло ее в мир, который она только по телевизору и видела.

Алена посмотрела телепередачу о фотомоделях. Там показывали таких же стройных и высоких девочек, как она сама. Девочки называли свой рост и вес и хвастались, что за одну съемку они могут заработать в худшем случае сто долларов. Алена записала их фамилии и название модельного агентства.

На следующий день пошла в интернет-клуб, выписала необходимые адреса, телефоны. Сделала фотографии, отправила.

И ее пригласили в Москву!

На кастинг, в Москву!

Но ей было всего тринадцать, и у нее не было денег на билет. Да и мать не отпустила бы.

У Татьяны – когда-то милой Танюшеньки! – с возрастом проснулась какая-то необъяснимая ревность к чужим мечтам о красивом будущем. И это гадкое чувство распространялось даже на собственную дочь.

Алене тогда пришло в голову, что каждой Золушке по законам жанра полагается фея-крестная. Улучила момент и позвонила в Москву бабушке – та была уже стара, но сразу почему-то поняла, что за девочка тревожит ее покой, и согласилась внучку принять.

– Только насовсем не могу, – сразу предупредила она. – У меня пятеро внуков. Таню я видеть не хочу, да и отец тоже. Мои другие дети такого не поймут. И на прописку не рассчитывай.

– Да не нужна мне прописка, ба, – заверила ее Алена. – Мне бы просто в агентство то попасть. И все.

Бабушка согласилась принять ее на неделю. Оплатила для Алены билет. Матери все она в самый последний момент рассказала. Какой был скандал – окна звенели! Мать орала, что Алена поедет в Москву только через ее труп. Но Алене опять повезло – в тот день отец получил зарплату и премию, у него была выпивка и королевская закуска – икра минтая, соленые огурчики, крабовые палочки, салат из дальневосточных водорослей, свежайший черный хлебушек.

– Пусть валит! – стукнул кулаком по столу отец. – Все знают, что эти ваши модели – шлюхи! А шлюхи много зарабатывают. Аленка будет нам деньги посылать.

– Совсем допился, ей тринадцать! – орала мать.

– Во-первых, почти четырнадцать. Во-вторых, малолетки стоят дороже.

Спустя сутки после этого разговора Алена уже сидела на крохотной кухне московской бабушкиной квартиры. Бабушка рассматривала ее с каким-то брезгливым любопытством, как таракана. И все время повторяла, что денег лишних у нее нет и что Алене лучше не рассчитывать на ее покровительство. Даже как-то обидно было. Все-таки бабушка родная, первая их

встреча. Но Алена все равно была ей благодарна – приютила же, не бросила в беде родную кровь.

В модельном агентстве от Алены все пришли в восторг. Такое редко случается. Москва обесценивает девичью красоту – слишком уж много здесь девиц на разный вкус. Но внешность Алены показалась всем коммерческой и нестандартной. Редкое сочетание. Не просто изюминка, а модная странность, которую можно продать. Все говорили, что она похожа на кошечку – такие необычные высокие скулы и раскосые глаза.

Она не стала сразу говорить о своем бедственном положении. Представилась москвичкой из благополучной семьи. А уже когда фотографии для портфолио были сделаны (оплатила их бабушка), когда Алену забронировали для участия в показе мод, когда ей предложили прийти на кастинг и даже авансом пообещали снять в рекламе бальзама для волос, – тогда-то и пришлось извлечь из кармана этого порванного и фальшивого козырного туза.

Как ни странно, в агентстве отнеслись к ее ситуации с пониманием. К бабушке Алены пришел юрист, и они о чем-то долго беседовали на кухне. Потом бабушка звонила беспутной своей дочери, Татьяне, и кричала, что та свою жизнь испортила, а теперь и за девочку взялась. Были подписаны какие-то документы – Алена не вдавалась в подробности. В следующий раз в родной городок она вернулась только на похороны отца – спустя почти десять лет с того дня, когда самолет унес ее в Москву. Мать она сначала не узнала даже. Та как-то скукожилась, усохла, как отживший свое древесный гриб. Даже голос мамин стал чужим, хриплым и тусклым, теперь мать много курила. И запах стал чужим: от нее несло дешевым польским дезодорантом и крепким табаком. Чужая женщина сидела за поминальным столом напротив Алены и этим чужим голосом рассказывала ей о чужой жизни.

Алена слушала рассеянно, думала о своем. Почему есть люди волевые, готовые подняться столько раз, сколько злодейства судьбы швырнут их на землю, и вот такие, амёбные, которые просто плывут по течению.

Глава 2

Лилию подбросили на порог дома малютки в Якутске ночью под Новый год, в страшную метель, и никому из тех, кто освидетельствовал подкидыша и заполнял документы, было совершенно непонятно, как она выжила. Да, девочка была одета тепло: байковая пижамка, сверху шерстяной костюмчик ручной вязки, пуховые носочки и рукавички, пуховая шапочка, – и завернута в ватное одеяло, а поверх одеяла, что совсем всех поразило, – в шкуру оленя, причем не выделанную, а свежесодранную... Прямо в окровавленную шкуру положили ребенка, завернутого в одеяло, и зашили грубыми нитками, чтобы сверток не развернулся. Оставили лишь небольшое отверстие для дыхания. И все же Лилию так замело снегом, что обнаружили ее, лишь когда сторож, он же дворник, Нюргун Григорьевич, лопатой начал очищать ступени. Он сбрасывал, сбрасывал снег, а потом лопата ткнулась во что-то твердое, большое... Станный меховой шар...

Нюргун Григорьевич был человек немолодой, о террористах и бомбах и не думал, да и какие террористы в Якутске? Втащил меховой шар в помещение, вспорол стягивающие мех нитки своим охотничьим ножом, который от отца получил, когда в пятнадцать лет с охоты первый раз добычу принес – сначала на охоту положено было с отцовским ножом ходить, а свой дарили, когда юноша первую кровь пролил, и нож этот всегда с собой носили, как бы судьба ни сложилась, куда бы ни занесла жизнь, вот как его: сторожем и дворником при доме малютки в большом городе... Вспорол ножом нитки, раскрыл меховую полость – и застыл в ужасе. Он сразу понял, что в окровавленном ватном одеяле перед ним лежит ребенок. Он видел лишь край щеки и маленький рот, но был уверен, что ребенок мертв. Не мог малыш выжить в такую морозную ночь, под таким слоем снега. Там дышать-то было нечем.

На крики Нюргуна Григорьевича прибежали дежурные няни. Они хорошо поспраживали ночью, но при виде раскрытой шкуры и ребенка в окровавленном одеяле тут же протрезвели. Бросились вызывать скорую и милицию. И одна даже пыталась удержать руку Нюргуна Григорьевича, когда тот решительно принялся разматывать ватное одеяло:

– Пусть милиция, там могут быть улики...

Она много смотрела сериалов про нашу милицию и заокеанскую полицию.

– Ребенок может быть жив, – сказал Нюргун Григорьевич, хотя сам в это не верил.

...Но щечка была розовая, ротик как цветок, у мертвых так не бывает.

Искра надежды, но все же, все же!

Он распахнул одеяло.

И девочка открыла глаза.

Сначала улыбнулась окружающим ее взрослым, потянулась со сна, потом пригляделась, не нашла никого знакомого и заревела.

Ее, конечно, отправили в больницу, где ребенок был признан здоровым. Единственный изъян – длинная царапина на шейке, слишком ровная, чтобы предположить, что девочка сама могла оцарапаться ноготком. Словно кто-то нарочно провел по коже лезвием, но без нажима, как бы намечая место для разреза.

Возраст определили – около двух лет, национальность – смешанная: не то эвенская, не то бурятская кровь смешалась с русской. А может, и якутская, у таких маленьких не поймаешь. Хотя старая нянька-якутка говорила: «Нет, якутской крови у подброшенной девочки и капли нет».

В больнице здоровая малышка тут же заразилась коклюшем, потом краснухой, потом скарлатиной... Видимо, ее не прививали. И первые полгода своего сиротства девочка провела в инфекционном отделении. Там она получила имя и фамилию: Лилия Снежная. Кра-

сиво, романтично! Романтиком была главный врач инфекционного отделения. Отчество ей дали в честь дворника, который ее нашел, – Нюргуновна.

Все ее вещи были переданы в милицию, но что толку? Не в отделение же ФБР, где целые лаборатории исследовали бы шкуру, одеяло, одежду, подгузник. Нет, обычное отделение: там больше надеялись найти свидетелей того, как оставляли ребенка на пороге дома малютки. Но в новогоднюю ночь все сидели за столами и смотрели в телевизор, а в такой буря не было даже молодежи, которая иной раз выскакивает на улицу, чтобы продышаться от запаха оливье и водки и потанцевать на снегу. Никого на улицах не было.

Тот, кто подкинул ребенка, очень хорошо выбрал время.

Вообще, сам факт, что подкинули, не удивлял. Многие жили очень бедно, и лишний рот иногда оказывался уж совсем лишним. Но смущало, что девочка такая большая, и за ней явно хорошо ухаживали и хорошо ее кормили, и развита не по годам, хотя не говорит, но слышит, не глухонемая, так что молчание может быть последствием шока: оказалась в незнакомом месте, нет рядом знакомых людей. Смущало, что одета девочка была хорошо, явно не бедны родители. И больше всего смущала свежесодранная шкура оленя. Это вообще была какая-то странность и дикость, с какой и не сталкивались.

Следователь, Александр Лиховцев, которого назначили по делу подкидыша, был молод и еще не утратил любопытства. Он даже ходил к своему старому учителю, пенсионеру Эркину Талбановичу Николаеву, отработавшему в органах пятьдесят пять лет, и спросил, что он думает. Тот нахмурился: шкуру могли содрать, если повозка с оленями заплутала в буряне и людям, в ней ехавшим, надо было согреться любой ценой. Еще в шкуру зашивали умершего ребенка, если он был очень дорог родителям. Зашивали в шкуру, потом в бересту и поднимали на ветви дерева – повыше к небесам, чтобы быстрее вознесся и вернулся обратно, желательно – в их же семью. Но эта девочка была жива... И кто сейчас путешествует на оленях на большие расстояния?

– Мистика тут какая-то. Чертовщина. Или шаманизм, – сказал старый следователь.

– Да какой шаманизм в наше время?

– Думаешь, шаманов больше нет? Они есть. Всегда были и будут. У всех: и у якутов, и у тунгусов, и у бурят. Везде, где шаманы были, они всегда будут. Есть явления, которые никакими карами не искоренить и никакой водкой не вытравить, запомни это, Саша. Тем более ты живешь не в Твери какой-нибудь. Тут в таких вещах разбираться стоит.

Не верить своему старому учителю молодой следователь не мог. Тем более что мелькнуло что-то такое в раскосых глазах старого якута...

– Эркин Талбанович, а вы шаманов видели? Настоящих?

– Видел, – вздохнул старик. – Раньше не рассказал бы и родному брату. И теперь не рассказал бы, он дурак был, засмеял бы. Тебе расскажу. Ты не дурак, смеяться не будешь, а любое знание полезно. Проводил я расследование в дальнем поселке. Таким далеком, что они жили даже на старый лад. Им построила советская власть новые дома, да в этих домах холодно, неуютно, и духов туда не переселишь. И они ставили юрты между этих домов. И оленей держали, и собак, все как встарь. И шаман у них был. Звали они его мужским именем, и одевался он как мужчина, и считал себя мужчиной. Да только это баба была. И такая красивая... Сашка, я за всю жизнь такой красавицы не видел. Молодая, чуть больше двадцати. Но у якутских шаманов так: бывает, в тело женщины входит мужская душа, когда они проходят это... В общем, превращение в шамана. А бывает – в мужское тело входит душа женская. Но это не как наши... ну, мужеложцы эти или бабы-коблы, а совсем другое дело. Там не от секса, а от души идет. И получается, что эта женщина как бы открыла окно в своем теле и впустила душу шамана. И стала мужчиной. Она могла бы даже жениться, но еще не полюбила никого.

– А документы? – тупо спросил Саша.

– Документы не меняют. Это земное, это им неважно. Они не как транс... забыл, как называется. Ну эти, в больших городах, которые пол меняют и тело себе перешивают. Они просто по-другому ощущают свое тело. Им перешивать ничего не нужно.

– А с женой как?

– Не знаю! Не интересовался. Я ухаживать пытался за ней, так она на меня в гнев напустила духа злого, лютого, он меня истерзал изнутри, я кровью блевал, когда меня оттуда увозили. Когда увезли, она духа отозвала и мне легче стало, но все равно лечить язвы пришлось по всему желудку и пищеводу. Думали, я съел или выпил что, но я знаю... Можешь ржать, Сашка, я знаю, что и как было. Она же сначала предупредила меня. Она... Он... Шаман... Я вылечился и вернулся. И дело до конца довел. Там было подозрение на убийство молодого парня. Я хотел эксгумацию провести, но не пришлось. Его по старинке хоронили. Привязали к березе, а когда промерз и подсох, перенесли на деревянный помост и накрыли берестой.

– И это при советской власти?

– Да не было там никакой советской власти. То есть власть была. Документы им выдавали. Детей заставляли отдавать учиться в интернаты. Фиксировали свадьбы, рождения, похороны. Убийства. Но вообще, власти не было. Мог депутат приехать. Все дружно голосовали – депутат уезжал. И дальше жили как жили. Детей в интернаты отдавали редко, чаще отсылали в другое поселение, чтобы жили в семье и учились тем наукам, которые настоящему якуту нужны, а не математике с физикой. Я-то сам интернат прошел. Мои родители верили, что новое время пришло и надо жить по-новому. Но в таких поселеньях почти не бывает тех, кто хочет по-новому. Они уходят. Остаются те, кто хочет по-старому. И вот покойничка-то из-под бересты я и собирался вытащить, но тут пришел сам виновный. Шаман заставил. Признался во всем, лишь бы я не тревожил мертвого. Я-то уеду, а мертвый, да еще убитый, если из-под бересты вынуть, уже обратно не ляжет, будет ходить, придется всему поселению на другое место перемещаться. Я мог бы все равно эксгумировать, я был обязан, со мной были двое русских милиционеров, они не верили и не боялись... Но я не стал. Я поверил. Можешь ржать, Сашка...

– Да как-то не до смеха.

– Хорошо. Значит, я прав и ты не дурак. Ладно, скажу тебе про девочку. Я не знаю, кто и зачем, но явно любящий родитель решил, что ей нельзя дальше жить. Видимо, в нее вселился злой дух. Или еще что-то такое, от чего и шаман избавить не мог. И тогда было два пути: или перерезать ей горло костяным ножом и похоронить на верхушке дерева, как положено, зашив в оленью свежую шкуру, или имитировать ее смерть и похороны. Это и было сделано. Вот на фото царапина – это костяным ножом слегка провели. Потом закутали, потому что не хотели, чтобы замерзла, не хотели ее погубить, и зашили в свежую оленью шкуру – сразу и для тепла, и для защиты от духа, чтобы обмануть: он мертвую шкуру, мертвую кровь почует, а до того, что под ней скрыто, не доберется. И бросили в городе. И концов теперь не сыскать, даже время не трать. Никто никогда не скажет, у кого пропала девочка. Потому что родители устроили похороны по всем правилам, подняли на дерево сверток из меха и бересты. Только в свертке – кукла из косточек и кожи олененка или еще какого звериного детеныша, окропленная кровью отца и матери.

– Бред какой-то. Из-за веры в злых духов собственного ребенка вот так... Теперь что с ней будет? Сейчас – больница, потом – дом малютки, потом – детский дом. А что в детских домах творится – сам знаешь.

– Но они сохранили ей жизнь и дали шанс. А сами между тем пожертвовали возможностью когда-либо иметь детей. И если она у них была единственная, это серьезная жертва.

– Да почему? Почему они не могут иметь детей?

– Потому что обманули небеса. Ладно, Сашка, вот сейчас ты разуверишься во всем, что я тебе рассказал, так что все, на этом мы закончили. Искать ее родителей смысла нет. Не трать время.

– А в отчете что напишу?

– Что опросы свидетелей не дали результатов. Ничего, карьеру не испортишь. Не убийство же. Всего лишь подкидывш.

Наверное, судьба Лили Снежной сложилась бы скверно, как судьбы большинства дет-домовцев, если бы не забрала ее тетя Оксана. Пришла и просто забрала. Лиле к тому времени исполнилось три с половиной. Таких детей, как она, воспитатели называли подарочными. Никакая пьяная мамка, лишенная родительских прав, или отсидевший папка не приходили к ней, а после таких визитов дети несколько недель в истерике бились. Лиля же вообще не была склонна к истерикам. Спокойная девочка. Не сказать, что дружелюбная, но послушная и разумная. Быстро обучилась и одеваться, и на горшок ходить, и есть самостоятельно. Заговорила сразу длинными фразами и четко. И даже почти научилась читать: Лилия очень любила, когда детям читали вслух, старалась сесть поближе к воспитательнице и смотреть на страницу, и запоминала, как пишутся слова, которые воспитательница произносит. Обычно таких детей отдавать на усыновление не хотят, предпочитая избавляться от буйных и проблемных, а самим работать с удобными. Но Лилия была такая милая маленькая девочка, явно без алкогольной наследственности, без отклонений, что даже ожесточившаяся сердцем директор дома малютки хотела для нее более счастливой судьбы.

У Лили был шанс на нормальную жизнь, и ей позволили этот шанс получить.

И когда в дом малютки пришли со всеми документами и с направлением на ребенка супруги Колывановы, тридцатисемилетняя Оксана Андреевна и сорокалетний Сергей Борисович, и заявили, что хотят непременно девочку, лучше лет трех и спокойную, над ними не стали насмеяться: дескать, пришли в дом малютки, а хотят ребенка «от профессора и балерины» (таков был профессиональный сленг для обозначения нормального ребенка, без дурной наследственности и отклонений). Им просто показали Лилию.

Тетя Оксана потом говорила: для нее это была любовь с первого взгляда. Ей трудно было с Лилей расстаться. Она приходила каждый день. И уже через две недели смогла забрать Лилию и увезти. Сначала – в Норильск, где они прожили полгода. Сменили Лиле имя: она стала Лилия Сергеевна Колыванова. А потом Оксана развелась с Сергеем, с которым фиктивный брак она оформила сугубо для того, чтобы меньше было проблем с удочерением.

Тетя Оксана объяснила это так: «Очень я ребенка хотела, а сама родить не могла. Замужней же легче получить направление на усыновление. Сергей согласился помочь. Не бесплатно, конечно, но в те времена, когда ты была маленькая, всем тяжело жилось, никто ничего бесплатно не делал... Главное – помог и потом не появлялся больше. Я боялась – будет искать, шантажировать, еще денег захочет. Нет, больше я о нем и не слышала».

Из Норильска тетя Оксана с Лилей уехали в Москву, где их ждала квартира. Тетя Оксана говорила: «Едем домой». Но Лилия, с детства чуткая и внимательная ко всем мелочам человеческого поведения и реакций, поняла, едва они переступили порог комфортной «двушки»: это не родной дом тети Оксаны. Тетя Оксана сама здесь впервые, и ее все восхищает: отличный ремонт, новая мебель, отдельные большие комнаты, отдельный санузел.

Да, Лилия с детства знала, что тетя Оксана очень много ей врет.

Но так же она знала, что тетя Оксана искренне ее любит.

Отчего детей своих у нее не было, призналась она уже повзрослевшей Лиле:

– Аборт сделала в шестнадцать, дурочкой была, боялась, мать будет ругать, и пошла не в женскую консультацию, куда без матери нельзя было, а к медсестре знакомой... Так мучилась, так мучилась, а потом воспаление случилось – и все равно правда вылезла. И от матери получила, иначе как шлюхой не называла меня, пока я из дому не ушла. Хотя сама-то была совсем не святая: и выпить, и повеселиться с тем мужиком, который руку протянет... Но на мне отыгралась. И у меня уже все, никаких детей, никогда. Когда у меня появилась возможность получить тебя – это было такое счастье! Как хлеб для голодного...

– Что значит «появилась возможность»? – спрашивала Лиля.

Но тетя Оксана умолкала, и Лиля понимала, что дальнейший допрос бесполезен.

Ласковая, во всем снисходительная, в некоторых вопросах тетя Оксана была просто крепень. Например, Лиля так и не узнала, откуда нигде не работавшая тетя Оксана ежемесячно получала на книжку очень значительную сумму денег, так что они не только не бедствовали, но жили хорошо, несмотря на все дефолты и кризисы.

Еще тетя Оксана никогда не позволяла называть себя мамой. Для ребенка из дома малютки это так сладко: сказать слово «мама» – самое желанное! Но тетя Оксана сразу это прекратила:

– У тебя была другая мама, которая тебя родила и любила. Потом ей почему-то пришлось с тобой расстаться, но все равно она твоя мама. А я вторая мама. Или тетя. Да, лучше так, чтобы вопросов не было...

Для себя Лиля решила, что, наверное, отец ее был крупным вором в законе, а маму вообще убили его конкуренты. И сначала ее подкинули в дом малютки (возможно, враги отца), а потом отец нашел ее и подослал Оксану, свое доверенное лицо. И теперь издалека их обеспечивает, но к себе не приближает, чтобы ее тоже не убили, как маму.

А что? Вполне логично. Деньги-то не из воздуха берутся. И в кино такое часто показывают.

Но эту историю Лиля придумала, когда ей было уже лет одиннадцать.

До того ее личной историей было: родители умерли, а какие-то родственники отнесли ее в дом малютки. А откуда деньги у Оксаны, она вообще не задумывалась. Маленькая была.

Тетя Оксана деньги тратила, как она говорила, «с умом». Еда всегда очень хорошая, фрукты даже зимой. Одежда добротная, но без бессмысленных модных излишеств. Много игрушек ребенку с воображением не нужно. А на книги денег не жалко. Кино вот тоже: брали хорошие фильмы в видеопрокате. И свою видеотеку собрали. Компьютер купила Лиле, но компьютерные игры – мусор для мозгов, стыдно тратить на такое драгоценное время. Да и не слишком-то много у Лили было времени. Тетя Оксана уже через полгода после переезда в Москву начала водить Лилю к учительнице английского. С пяти – в секцию айкидо.

А Лиля мечтала стать балериной, она была просто влюблена в Галину Уланову, нежно трепещущую в белой пачке в старой-старой записи балета «Жизель», и в миниатюрную, как ожившая куколка, Екатерину Максимову в «Анюте» и «Щелкунчике». Ради балета она готова была отказаться от своего любимого лакомства – сгущенки, которую почему-то любила до дрожи и, когда ела, закрывала глаза и уплывала куда-то в полузабытое, уютное, прекрасное...

– Ты прямо как наркоманка с этой сгущенкой! – тревожилась тетя Оксана. – И не полезно столько сладкого есть. Диабет будет.

Но в балет Лилю не взяли.

Руководительница младшего класса в балетной школе, длинная и сухая, как полоски вяленого мяса (Откуда? Откуда эта ассоциация? Какие полоски вяленого мяса? Никакого вяленого мяса полосками тетя Оксана никогда не покупала, но ассоциация возникла мгновенно, едва Лиля увидела эту женщину), сказала:

– Слух и чувство ритма у девочки есть, гибкость хорошая, но у нее короткие ноги, нет талии, голова крупная, а с возрастом проявятся национальные черты: она будет мясистой. Доглодается до больницы, и все равно с природой не поборешься. Отдайте ее лучше в какие-нибудь национальные танцы... Или даже в школу фламенко. Там эти недостатки будут незаметны.

Маленькая худенькая Лиля проплакала всю дорогу домой и половину ночи. Она ненавидела эту тощую преподавательницу балета очень долго, пока не повзрослела достаточно, чтобы понять: преподавательница, сама бывшая балерина, была хорошим профессионалом и отнеслась к ней со всей возможной добротой. Просто в балете принято говорить прямолинейно.

Вот тебе и «короткие ноги, нет талии, голова крупная». Вот тебе и грядущая «мясистерь». Во всем оказалась она права. С возрастом Лиля действительно стала не округлой и не толстой, но плотной, крепко сбитой девчушкой, совсем не балетного облика.

Перед тем как Лиля пошла в первый класс, они с тетей Оксаной придумали «сказку», которую Лиля выучила так, что почти в нее поверила. Тетя Оксана – родная сестра ее мамы. Мама вышла замуж за папу, папа был нерусский, поэтому у Лили такое скуластое личико, такие раскосые черные глаза и такие роскошные, прямые и жесткие черные волосы, так что косы толщиной с ее вовсе не тонкие ручки, а перехватывать их приходится двумя резинками, чтобы не рассыпались. Мама и папа погибли, когда Лиле было три года. Жили они в Якутии, откуда родом отец, ехали откуда-то зимой, машина заглохла, они замерзли насмерть. Эта деталь, такая небанальная, делала историю правдоподобнее.

Директор, принимавшая документы, и завуч, конечно, знали правду об усыновлении, но не болтали: тетя Оксана была щедрой на подарки, чтобы ее девочке было в школе комфортно.

Конечно, «чукчей» Лиле дразнили. Пытались и толкнуть, вещи со стола швырнуть, сумку с книгами выхватить: дети к тому, кто выглядит чужеродно, зачастую относятся как злобные зверьки. Но обидчиков хватило ненадолго.

Во-первых, Лиля уже два года отзанималась айкидо и умела направлять силу обидчика против него же, и попытки ее толкнуть или вырвать у нее сумку чаще всего кончались ревом драчуна.

Во-вторых, когда одноклассники чуть повзрослели и Лиле уже пытались просто дразнить, она спокойно и уравновешенно рассказывала о том, чем чукчи отличаются от якутов, а заодно, что чукчи ничуть не смешные, что они свирепые воины, которых боялся весь север и которых не смогли одолеть казаки, и что мертвых своих они хоронят, завернув в полосы оленьего мяса, взрезав живот и вынув внутренности, чтобы быстрее пришли звери, покровители племени, и забрали бrenную плоть. Девчонок эти истории пугали и они перестали доставать Лиле на тему чукчей, мальчишки прониклись уважением: что она о такой жути рассказывать может.

А в-третьих, как-то постепенно все ребята поняли, что чукча, или кем там была Лиля, – это не смешно, а страшно. Что Лиля может сделать так, что будет еще страшнее: расскажет какую-то историю – а потом все, кто дразнил ее, во сне это видят, и некоторые со страха до туалета добежать не успевают. Родители «запуганных» пытались на нее жаловаться, но Лиля была отличницей с безупречным поведением, и агрессорами были именно их дети. А если ее национальные сказки могут так напугать девятилетнего мальчика, может быть, следует проконсультироваться с психиатром?

К четвертому классу ее больше не дразнили. Она влилась в коллектив. По-прежнему была отличницей плюс еще победила два раза на танцевальном конкурсе, так что в школе ею гордились. Были завистницы, но были и приятельницы. Подруг не было. Ни одной близкой подруги за все детство. Что-то мешало ей дружить. Никого не хотелось подпускать близко, кроме тети Оксаны. Но просто тусоваться с девчонками, ходить в кино или в магазинчики дешевой бижутерии, есть пиццу и мороженое, при этом обсуждая диеты и модельное будущее, Лиле даже нравилось. Это было игрой в другую жизнь. Совсем непохожую на ее настоящую, с жестким расписанием занятий, с тайным увлечением серьезным кинематографом.

Глава 3

Алена быстро освоилась в московском моделинге. В агентстве вошли в ее ситуацию и сразу же загрузили ее работой. Золушек здесь было много, но почему-то именно Аленина история показалась всем трогательной. Работа была не очень-то престижной: показы начинающих дизайнеров, которые проходили в окраинных домах культуры. Платили за такие мероприятия весьма условно, зато, если повезет, можно было пополнить портфолио фотографиями с подиума. Алена не роптала. Агент, которая с ней работала, женщина лет сорока с небольшим, отчаянно молодящаяся с помощью бесконечных уколов гиалуроновой кислоты, жестоких диет и странной одежды от израильских молодых дизайнеров, сразу же настроила ее правильно.

– Воспринимай все это не как начало карьеры, а как обучение со стипендией, – сказала она. – Да, первые год-два у тебя будет трудная жизнь. Тебе не будет хватать ни на лишнюю чашку кофе, ни на блеск для губ. Зато ты научишься ходить по подиуму, позировать. И, если будешь умницей, скоро вырастешь в конкурентоспособную модель.

Алена слушала и мотала на ус. Ее поселили в одну из так называемых модельных квартир. Агентство снимало большие недорогие квартиры, обставляло их на манер военной казармы двухэтажными кроватями и заселяло девушек, у которых в Москве не было крова. Конечно, это был не акт альтруизма – каждая начинающая модель подписывала договор, по которому агентство вычитало из ее гонораров деньги, в том числе и за аренду. Агентский процент был, вообще-то, драконовским. В первый год Алена отдавала почти шестьдесят процентов заработанного, самой же ей оставались сущие гроши. Но по сравнению с той жизнью, которую она вела в родном городе, Москва казалась ей эдемом. А декорации ее новой жизни – настоящей роскошью!

Зря все думают, что модели купаются в деньгах. В России в этом бизнесе заработать трудно. Многие девушки воспринимали моделинг как социальный трамплин – шанс познакомиться с мужчиной, который будет им помогать. У многих получалось. Но Алена была еще слишком молода, чтобы думать о таких вещах. Она быстро вытянулась и оформилась, но в свои четырнадцать оставалась еще сущим ребенком.

Девушки в модельной квартире менялись так быстро, что она быстро перестала запоминать имена очередных соседок. Кто-то отбывал на заграничные показы – в основном в Азию. В Гонконге, Шанхае и Бангкоке большой спрос на молоденьких славянских моделей. Если девушка старается, у нее вполне есть шанс вернуться в Россию, скопив несколько десятков тысяч долларов.

Кто-то из девушек переезжал к новым бойфрендам. Кто-то уже мог позволить себе перебраться в квартиру получше.

В модельной квартире царил такой шум-гам, что расслабиться было проблематично. Иногда в трех комнатах жили целых пятнадцать девушек. У каждой с самого утра начинались кастинги. Алена быстро просекла, что самое выгодное – стать жаворонком и просыпаться на час раньше всех остальных, тогда ее минуют вечные бои за ванную.

По вечерам модели собирались в кухне, пили шампанское или диетическую колу и сплетничали. Делились амбициозными планами, хвастались фотографиями своих воздыхателей, перетирали косточки более удачливым товаркам. Алена была со всеми милой и вежливой, но ее в компанию не принимали – она казалась всем ребенком.

Девушки часто ссорились. Поводом для выяснения отношений могла стать любая мелочь. Кто-то спер у кого-то последние целые чулки. Кто-то одолжил у подруги туфли и вернул их грязными и со стоптанными набойками. Кто-то заперся в туалете и эгоистично провел там полчаса.

Алена быстро научилась засыпать под звук чужой болтовни, приглушенный смех и звон бокалов. Она знала точно, что рано или поздно заработает себе имя и агентство переведет ее в квартиру получше – туда, где живут чуть более успешные модели.

Вся эта новая жизнь казалась ей жутко интересной. Она чувствовала себя героиней увлекательнейшего реалити-шоу.

Иногда кто-то из ее соседок совершал резкий карьерный прорыв. Такое случалось редко – Алену поселили вместе с самыми начинающими, дешевыми, моделями. Но все-таки случалось. И такие истории очень вдохновляли.

Например, одна девица, она называла себя Анель, приехавшая из Брянска, вдруг снялась для обложки популярного мужского журнала. И в считанные недели стала популярным светским персонажем, получила предложение сняться в сериале, стала вести авторскую программу на музыкальном канале. А ведь в Анель никто не верил. Для модели она была слишком низкорослая – метр шестьдесят три. У нее было немного лишнего веса. И лицо ее было каким-то тяжеловатым. Вроде бы правильные черты, но второй подбородок намечается, нос слишком широкий, зубы какие-то мелкие, как у грызуна. В лицо ей все, конечно, улыбались, но за спиной часто шушукались – другие девушки не могли понять, как Анель вообще ухитрилась просочиться в агентство.

Сейчас каждая вторая девчонка мечтает попробовать себя в моделинге, так что агентство кого попало не берет. Для того чтобы подписать контракт, а тем более попасть в модельную квартиру, надо тоже пройти суровый кастинг, надо, чтобы кто-нибудь в тебя поверил.

Анель была трудолюбивая и честно ходила на все кастинги, но работа почти всегда доставалась другим. Для подиума она была слишком маленькая, в рекламе косметики не могла сниматься из-за плохой кожи с расширенными порами. При этом девушка она была веселая и незлобивая, поэтому все ей сочувствовали. Понимали, что скоро агентство попросит ее на выход.

Но все получилось по-другому. На тот кастинг Анель попала по чистой случайности – а кто бы ее позвал на кастинг такого уровня. Сопровождала подружку. Подружка была успешной моделью, которая недавно решила на ход конем – отправилась на каникулы в Бангкок и вернулась оттуда с увеличенной грудью. В модельном бизнесе подобные модификации тела, мягко говоря, не приветствуются. Большая грудь тоже может существенно осложнить своей обладательнице путь на модельный олимп. Всем нужна естественная красота и эффект вечной юности. Черт его знает, что заставило девушку решиться на такой отчаянный шаг.

Ну и вот пришла она на кастинг в фотостудию мужского журнала, Анель напросилась вместе с ней. У Анель был дар – она прекрасно умела разряжать обстановку. Быстро обзаводилась социальными связями и с ходу начинала со всеми подряд дружить. Вот и там, в небольшой уютной гримерной, она рассказывала собравшимся моделям что-то забавное, потом, привлеченный хоровым смехом, к ним присоединился и кастинг-директор. В общем, спустя четверть часа Анель пригласили тоже попозировать, скорее шутки ради. Но неожиданно ее фотографии впечатлили бильдредактора. Вдруг выяснилось, что Анель, которую никто никогда не принимал всерьез, умеет смотреть в объектив как породистая кошка в период брачной игры, когда она кота завлекает, но при этом и когтистой лапой по морде провести может, если подошел прежде, чем она решила его принять... Соблазнительный был у нее взгляд. Манящий и опасный. На следующий день ее снова пригласили в студию – вместе с тремя другими wybranными девушками. В итоге на обложку попала именно Анель. Вот такой вот внезапный взлет.

Конечно, каждая модель надеялась однажды вытянуть подобный счастливый билет.

Алена хорошо помнила свою первую серьезную съемку. К тому моменту она жила в Москве уже полтора года. Перебивалась мелкой работой, но на жизнь не жаловалась. Любая жизнь была лучше той, к которой она привыкла. Алена в любом случае была бы благодарна

судьбе – даже если бы Москва приготовила бы для нее серую, по меркам большинства амбициозных моделей, судьбу.

Вот ее среди других девушек посылают на кастинг в офис косметической компании. Алена давно привыкла к тому, что большинство моделей приглашают на подобные мероприятия «для ассортимента». Даже толком не узнала, что именно предстоит рекламировать – помаду, тушь или крем. Просто послушно выполняла все то, что просил фотограф. Поочередно выдавала одну эмоцию за другой. Страсть. Похоть. Веселье. Чистая детская радость. Огорчение. Задумчивость. Меланхолия. Решительность.

Каково же было ее удивление, когда спустя два дня ей позвонили из агентства и сказали, что именно Алenu выбрали для рекламной кампании. С ней подпишут годовой контракт! Она станет лицом целой серии средств для молодой кожи. Это был ее настоящий модельный прорыв, ознаменовавший начало совсем другой жизни.

Спустя пару месяцев по предложению агента она переехала в другую модельную квартиру. Улучшила жилищные условия, так сказать. Эта квартира располагалась в Сокольниках, отсюда было намного быстрее добираться до мест проведения кастингов. И ее соседками были всего четыре девушки. В первое время Алene даже трудно было привыкнуть к атмосфере тишины – после вечного праздника ее первого московского жилья.

А спустя еще полтора года она смогла себе позволить снять собственную, пусть и небольшую, квартиру. Работы у Алены было много. Москва приняла ее радушно, как желанную и дорогую гостью.

Глава 4

В восьмом классе оказалось, что Лиля, несмотря на широкое лицо и раскосые глаза, настоящая красавица. Экзотическая, но красавица. Глаза у нее были длинного красивого разреза, ресницы густые – три спички можно положить в ряд, нос с горбинкой, рот большой и безупречно прорисованный – в общем, такое лицо, которым хочется любоваться. Да еще косы густые и толстые, каких ни у кого в школе не было. И на фотографиях она получалась великолепно. Даже на пресловутой всех уродующей фотографии на паспорт. Но главное, поскольку тетя Оксана еще до школы отвела ее заниматься фламенко, двигаться Лилия умела так, что никто и не видел, что нет у нее талии и короткие ноги. Казалось, будто у нее роскошная фигура, а осанка была безупречной, как у всех танцовщиц, и она так держала свою крупную голову с тяжелым узлом из кос на затылке, сплетенным в испанском стиле, что казалось – это не голова большая, это волос много.

– Мне бы ее волосы, – говорила одна из одноклассниц, отчего-то Лилию возненавидевшая: самой приходилось наращивать, благо богатые родители могли оплатить. И тут же, чтобы случайный комплимент превратить в оскорбление, добавляла: – Толстые азиатские волосы дешево стоят. И спросом не пользуются.

Лилия усмехалась и грациозно, как в танце, поворачивала голову с тяжелым узлом, в котором сверкали вплетенные алые ленты.

Все высокие и худые девчонки в ее классе мечтали стать моделями. Лилия делала вид, что ей это безразлично, но хранила фотографии моделей этнического типа. Правда, все они были высокие и худощавые. И длинноногие... Впрочем, ей больше хотелось стать не моделью даже, а актрисой. Чтобы ее лицо появлялось не просто на фотографиях, а на кадрах из фильмов. Она столько раз пересматривала «Первого учителя» с Натальей Аринбасаровой... Тоненькой, тоненькой, тоненькой!!! И «Мемуары гейши» с Чжан Цзыи – тоненькой... И «Берлинский роман» с великолепной Мио Такаки: мускулистой и стройной, а главное – потрясающей актрисой...

Лилия пыталась даже смотреть какие-то корейские исторические сериалы, но это было не то, это было скучно, там не было настоящей актерской игры. И главное – какая-то гнетущая тоска охватывала ее, когда она смотрела сериалы. Словно она вглядывалась в зеркало своей судьбы, а там – мутная вода, полная грязного, пенного, будто после стирки, а вовсе не ясное сияние великого кинематографа, к которому она стремилась.

Лиле было пятнадцать, когда она начала предчувствовать и предвидеть.

После очередных «модельно-диетических» обсуждений за поеданием мороженого с одноклассницами она вдруг отчетливо увидела будущее каждой из тех, с кем сидела за столиком.

Она попыталась себя уговорить, что все выдумывает, но – нет, она знала, знала, что не выдумывает...

Что самовлюбленная Настя, помешанная на своей красоте, уже регулярно посещавшая салоны и заранее знавшая, в каком возрасте какую операцию по преобразению внешности сделает, чтобы достигнуть идеала, выйдет замуж за сына банкира, наркомана, который и ее подсадит на наркотики, и Настя умрет в двадцать четыре года от некачественного героина.

Что чудесная добрая Катя, единственная дочь немолодых родителей, писавшая сказки и мечтавшая стать русской Джоан Роулинг, станет не сказочницей, а журналисткой, будет писать трогательные статьи о героических матерях-одиночках и сотрудницах детского хосписа, всю жизнь проживет одинокой, но будет считать, что раз ей интересно и с карьерой все хорошо, то жизнь удалась, а в сорок лет выйдет замуж по большой любви... А в сорок два умрет во время первых и очень поздних родов – от кровотечения.

Что ни у одной из тех, кто сейчас поглощает мороженое и мечтает вслух, не сбудутся их мечты, вернее – у одной сбудется то, о чем она и мечтать не смела бы...

– Ты, Марина, вполне могла бы стать моделью. Если бы перестала горбиться и смотреть так затравленно, – сказала Лиля и сама испугалась того, что выпустила эти слова на волю.

Марина с ужасом смотрела на Лилю. Другие девочки – с насмешкой. Марина была пария. Из плохой семьи. Родители ее били. Одета всегда нищенски. Мороженое ей покупала обычно Настя, сопровождая угощение каким-нибудь мелким и уже привычным оскорблением. Марина была длинная, тощая настолько, что ее подозревали в анорексии, ни груди, ни бедер, бледная, и лицо странное: глаза огромные, навывкате, как у стрекозы, рот маленький, подбородок вообще крошечный и острый. Только волосы у нее хорошие были, натурального пшеничного оттенка, да кожа как фарфор, ни единого прыщика.

– Да она ж на муху похожа... С этими глазищами выпученными, – фыркнула Настя.

– Нет. Она похожа на Аэлиту, – сказала вдруг Катя.

– На кого?!

– На инопланетную красавицу из романа Алексея Толстого.

Лилия отвернулась, вдруг поперхнувшись слезами.

Она видела, видела, видела...

Она не хотела, но она видела...

...Настя, исхудалая, серая, с давно невымытыми свалывшимися волосами, с покрытыми болячками губами и какими-то белесыми, тусклыми глазами, хрипя, умирает на когда-то роскошном, а сейчас запятнанном и заблеванном ковре, а ее муж с ненавистью бьет ее ботинком по ребрам и кричит: «Не умирай, сука, не смей, не смей!» А потом, когда понимает, что она уже не дышит, что застыли широко раскрытые глаза, он, скорчившись, падает рядом и воет: «Что же мне делать?» Не от скорби, не от боли потери, а от страха, что теперь за него точно возьмутся и будут лечить, а это значит – жить без кайфа, жить в аду...

...Марина, одновременно пугающая и прекрасная, похожая на инопланетянку, сверкающая серебристым гримом, шла по подиуму в сложном, тоже серебряном, платье. Милан, но она даже не думает о том, чтобы посетить величайший собор. Зато она уверена в себе и в своей карьере и пользуется спросом, потому что обладает не только уникально тонким телом, уникальным обменом веществ, позволяющим ей сохранять худобу без анорексии и наркотиков, не только оригинальной, запоминающейся красотой, но еще и не делает тех глупостей, на которые способны другие модели. Она патологически ответственная и серьезная, она копит деньги и полезные знакомства, она намерена по окончании карьеры создать собственное модельное агентство.

...Катя, оплывшая от тяжелой беременности, с проседью в коротко стриженных волосах, лежит на каталке в больничном коридоре, к левой руке ее тянется трубочка капельницы, а правой она из последних сил сжимает руку мужа и улыбается ему с такой сияющей любовью, что кажется – эта любовь смывает и следы возраста, и уже подступившую боль. На висках и на переносице у нее высыпали капельки пота, муж вытер их своим платком, поцеловал в кончик носа и смотрит, как ее увозят... Катя пытается приподняться, чтобы еще раз улыбнуться ему. Чтобы его, волнующегося, поддержать: все будет в порядке, им обещали, что все будет в порядке, современная медицина даст ей возможность стать матерью здорового мальчика, все будет хорошо, уже через несколько часов они снова будут вместе, втроем! А Лилия видит, как парит над каталкой, над горой высящимся животом Кати – длинное, серое, длиннопалое, белоглазое, с пастью пиявки, страшное, страшное, страшное... Касается то ее груди, то живота, словно пытаясь выбрать жертву: женщину или дитя? Женщину или дитя?

Вкус мороженого показался невыносимым, будто гнилое мясо, Лилия еле успела добежать до туалета, и ее вырвало.

И в этот миг она вспомнила...

То, что регулярно вспоминала – и снова забывала.

То, что не должна была помнить, потому что дети не помнят происходящее с ними до двух лет!

Она вспомнила странный темный дом с круглыми стенами, и вокруг все мех и мех, мех и мех, и под ней – мех, и в середине дома горит огонь, и уходит дым в дыру в крыше дома, а все равно в доме тепло, и было бы хорошо и уютно, если бы не кричала так громко женщина:

– Не делай! Умоляю тебя, не делай этого!

А мужчина молча скреб костяным ножом окровавленную шкуру. Нож, кровь, шкура – не страшно, потому что привычно.

Страшнее было, когда вчера он подманил бутылкой со сладким молоком маленького, совсем маленького олененка и позволил ей, Лиле...

Нет, ее не так зовут, не так! Но как? Имя, она не помнит имя...

Он позволил ей обнимать и гладить олененка, пока поил его, и, когда перерезал ему горло, она еще обнимала олененка, и горячая кровь брызнула ей на руку и щеку, и она отшатнулась, упала, заревела, а мужчина вспорол олененку живот и бросил собакам потроха и все время бормотал, бормотал что-то, чего она не понимала...

Да, это было страшно, а шкура большого оленя – не страшно, обыкновенно.

Но почему так кричит женщина?

– Давай уедем, давай просто уедем, я не могу так, я не могу отдать ее...

– Мы не можем убежать от него. Он найдет нас где угодно. Надо похоронить дитя как положено. Только тогда он оставит в покое...

Спокойный голос мужчины и отчаянные, рвущие душу рыдания женщины.

Имя...

Как ее звали?

Она забыла свое имя!

...Лиля потеряла сознание, скорчившись возле унитаза. Искать ее пошла Катя. Потом вызывали менеджера, отпирали туалет. Менеджер хотела вызвать полицию: «Наверняка наркотики!» Но Катя, осторожно перевернувшая Лилю и вытиравшая ей лицо бумажными полотенцами, почувствовала, что Лиля вся горит.

– Скорую вызовите. У нее жар. Наверное, грипп.

Лиля пролежала в жару до полуночи. Тетя Оксана рассовала столько взяток в карманы белых халатов, что ей позволили остаться на ночь возле кровати дочери. После полуночи температура вдруг упала до нормальной, и измученная Лиля, пробормотав: «Где я?» – тут же уснула. А проснулась уже совершенно здоровой, и к вечеру ее отпустили домой «под расписку».

– У подростков такое бывает на нервной почве, – сказал тете Оксане молодой врач, смущенный тем, что деньги взял, а толком ничем помочь девочке не смог. – Может, какой-то конфликт с учителями, с мальчиками или с подружками.

Они уехали на такси. Еще несколько дней тетя Оксана не пускала Лилю в школу. Но по ее просьбе принесла из библиотеки несколько книг о памяти. И Лиля выяснила, что, оказывается, у некоторых людей случаются очень ранние воспоминания, но иногда их сложно отличить от ложных воспоминаний: человеку рассказывали о его детстве – и вот ему уже кажется, что он это помнит, хотя всего лишь визуализировал чужие рассказы. Но бывают и настоящие воспоминания... И Лиля была уверена, что у нее – настоящее. Ей никто не рассказывал ничего подобного. Она знала про окровавленную шкуру... Но остальные детали были слишком странными. Не говоря уж о видениях будущего...

Она не решилась рассказать тете Оксане, что случилось с ней. Сказала – вдруг стало дурно, затошнило, в туалете потеряла сознание. Очнулась в больнице. Все.

Но тетя Оксана словно что-то подозревала. Последующие дни Лиля замечала, что в комнате тети Оксаны подолгу горит свет. А однажды, проснувшись среди ночи и пойдя на кухню за парой глотков ледяного ананасового сока, который она очень любила, Лиля услышала, как тетя Оксана бормочет: «Господи, что же мне делать? Что мне делать? Помоги, Господи... Подскажи ему, что с его кровиночкой творится...»

Лиля застыла, надеясь на продолжение, надеясь узнать что-то о том, чьей кровиночкой она являлась и кого тетя Оксана знала, но о ком не говорила ей никогда. Но тетя Оксана всхлипнула и замолчала.

Вернувшись в школу, Лиля узнала, что Марина взяла в школьной библиотеке «Аэлиту» Толстого. Прочитав, она стала ходить за Лилей хвостиком. Она сияла. Кто-то в ней, уродине, увидел инопланетную красавицу, и сама она посмотрела на себя иначе.

Как помочь Насте и Кате, Лиля не знала.

Она не знала, можно ли плохое будущее изменить к лучшему.

Насте можно было бы просто сказать... Но она высмеет, и все. Может, потом, когда она встретит того парня? А может, поговорить с ее родителями? Но тоже – потом. Пока парня нет в ее жизни – все это выглядит бредом.

А что сказать Кате? Родит ребенка, пока молода? Не жди любви? Ты умрешь от поздних родов? Или рожай в предназначенные для этого годы, или не рожай даже от любимого? Потому что я знаю, что ты умрешь от родов в сорок два года, сейчас, в пятнадцать, я это знаю? Это выглядело еще большим бредом.

Но вот реализовать хорошее будущее точно было можно. Незадолго до последних школьных каникул Лиля отвела Марину на просмотр в серьезную школу моделей, и взяли сразу, и Марину сразу начали и учить, и «полировать», так что за несколько месяцев из долговязой нескладной уродины она превратилась в прекрасную инопланетянку, и в десятый класс вернулась уже совершенно другим человеком. Единственной, с кем Марина соглашалась общаться, была Лиля.

Марина оказалась благодарным человеком. Ей тоже хотелось сделать для Лили что-то хорошее.

– Знаешь, модели разные бывают. Иногда нужны экзотические, иногда толстые или старые...

– Спасибо, – усмехнулась Лиля. – Но модельный бизнес не для меня. Я буду поступать во ВГИК, на актерское.

– А если провалишься?

– Мне в армию не идти. Найду учителя, который натаскает. И поступлю на будущий год.

Но поступила Лиля сразу. В ее активе были хорошая дикция, умение танцевать, чувство ритма, плюс некоторый артистизм: и басню про волка и ягненка, и монолог проститутки Женьки из «Ямы» Куприна – все прочла она очень выразительно. Особенно монолог ей удался. Казалось, вся горечь когда-то никому не нужного приютского ребенка выплескивалась из нее со словами, когда семнадцатилетняя нежная Лиля с детским, чуть тронутым блеском ртом, с тяжелыми косами по плечам, мрачно сверкая глазами, говорила:

– Я была и не злая и не гордая... Это только теперь. Мне не было десяти лет, когда меня продала родная мать, и с тех пор я пошла гулять по рукам... Хоть бы кто-нибудь во мне увидел человека! Нет!.. Гадина, отребье, хуже нищего, хуже вора, хуже убийцы!.. Даже палач... – у нас и такие бывают в заведении, – и тот отнесся бы ко мне свысока, с омерзением: я – ничто, я – публичная девка! Понимаете ли вы, Сергей Иванович, какое это ужасное слово? Публичная!.. Это значит ничья: ни своя, ни папина, ни мамина, ни русская, ни рязанская, а просто – публичная! И никому ни разу в голову не пришло подойти ко мне и подумать: а ведь это тоже человек, у него сердце и мозг, он о чем-то думает, что-то чувствует, ведь он сделан не из дерева и набит не соломой, трухой или мочалкой! И все-таки это чувствую только я. Я, может быть,

одна из всех, которая чувствует ужас своего положения, эту черную, вонючую, грязную яму. Но ведь все девушки, с которыми я встречалась и с которыми вот теперь живу, – поймите, Платонов, поймите меня! – ведь они ничего не сознают!.. Говорящие, ходящие куски мяса!

И вот, когда я узнала, что больна, я чуть с ума не сошла от злобы, задохлась от злобы... Я подумала: вот и конец, стало быть, нечего жалеть больше, не о чем печалиться, нечего ждать... Крышка!.. Но за все, что я перенесла, – неужели нет отплаты? Неужели нет справедливости на свете? Неужели я не могу наслаждаться хоть мстью? – за то, что я никогда не знала любви, о семье знаю только понаслышке, что меня, как паскудную собачонку, подзовут, погладят и потом сапогом по голове – пошла прочь! – что меня сделали из человека, равного всем им, не глупее всех, кого я встречала, сделали половую тряпку, какую-то сточную трубу для их пакостных удовольствий? Тьфу!.. Неужели за все за это я должна еще принять к такую болезнь с благодарностью?.. Или я раба? Бессловесный предмет?.. Вьючная кляча?.. И вот, Платонов, тогда-то я решила заражать их всех – молодых, старых, бедных, богатых, красивых, уродливых, – всех, всех, всех!.. И вы не думайте, пожалуйста, Сергей Иванович, что во мне сильна злоба только к тем, кто именно меня, лично меня обижали... Нет, вообще ко всем нашим гостям, к этим кавалерам, от мала до велика... Ну и вот я решилась мстить за себя и за своих сестер. Хорошо это или нет?.. Но и не в этом главное... А главное вот в чем... Я их заражала и не чувствовала ничего – ни жалости, ни раскаяния, ни вины перед богом или перед отечеством. Во мне была только радость, как у голодного волка, который дорвался до крови...

На словах о волке, дорвавшемся до крови, Лиля так понизила голос и произнесла это с таким сладострастием, что многие в приемной комиссии содрогнулись: кто – от наслаждения настоящим искусством, кто – от непонятого, но острого ужаса.

Когда Лиля вышла, приемная комиссия спорила: будет у нее работа с такой экзотической внешностью или нет?

Споры о том, талантлива она или нет, не было.

Глава 5

Алена участвовала вместе с двумя другими моделями в интересной съемке – изображали русских красавиц в заснеженном лесу. Шерстяные платки с розами и бахромой, нарисованный яркий румянец на фарфоровых лицах, обшитые соболиным мехом жилетки, косы толстые (накладные, естественно). Кажется, съемка была для рекламы какого-то истинно русского банного комплекса, бренд-менеджер которого собрал воедино все исконно-посконные образы, которые пришли в его залитое новогодним шампанским сознание. Чучела медведей, старинные медные самовары, румяные дети, которые играют в городки, коромысла, ну и конечно – истинные русские красавицы. Съемки состоялись сразу после Нового года, как раз первого января в тот год выпал кинематографично пушистый снег. Происходило все в каком-то богом забытом захолустье, в деревеньке километров двести севернее Москвы. Все прошло гладко, фотограф остался доволен. Съемки длились до позднего вечера, а в город было решено вернуться на следующий день. Отель, в котором разместили моделей, был совсем простеньким – ни тренажерного зала, ни спа, ни даже бара с приличным шампанским. Делать было решительно нечего. И вот тогда ассистентка фотографа сказала:

– А ведь я могу предложить всем кое-что особенное! Я родом из этих мест, многих тут знаю. В соседней деревне живет одна пожилая женщина... В общем, местные ее ведьмой черной считают. Мы могли бы поехать к ней. Пусть погадает нам всем.

– Потрясающее развлечение! – криво усмехнулась одна из моделей. – На шарлатанку полоумную любоваться.

Но другая модель, Аня, и Алена заинтересовались.

– А что, она правда будущее видит?

– Еще как! – округлила глаза ассистентка. Это была романтическая молодая девушка, с детским еще румянцем на пухлых щеках и мечтательными серыми глазами, которые казались огромными за стеклами ее очков. – В моем детстве все только о ней и говорили! Одной женщине она предсказала скорую смерть от огня. Та и правда спустя две недели погибла в пожаре. А еще одной, соседке моей, ребеночка напорочили. Соседка только посмеялась – шестой ведь десяток разменяла. Никаких «женских дел», по ее словам, у нее уже несколько лет не было. И тут – бац! – с животом ходит! Чудо природы. Причем здорового пацаненка родила.

Вот и отправились к ведьме втроем – Алена, Аня и эта девушка, Рита. Добрались до соседнего села быстро. Первый же встречный прохожий сразу на нужный дом указал.

Ведьма оказалась похожа на обычную деревенскую женщину – ничего inferнального в ней не чувствовалось. Баклажанового цвета жесткие волосы, обильная проседь на висках, кофта с Микки-Маусом на груди, заправленная почему-то в растянутые на коленках рейтузы. Ее приветливая улыбка явила золотой зуб.

– Давно таких красивых не видывала! Я не тебя, Риточка, конечно, имею в виду, – радовалась ведьма. – Вы проходите сюда, сюда, в комнату. Меня Фаиной Харитоновной звать, можно просто Фая.

Комната Фаи была захламлена так, словно тут не убирались годами. Настоящий бомжатник! Посеревшее белье на неубранной постели, стол в жирных каплях застывшего масла, усиленная мухами липкая лента свисает с пыльной пластиковой люстры. А уж когда ведьма гостеприимно предложила девушкам чай, те даже переглянулись вопросительно. Отказать «черной ведьме» было как-то неудобно, но и пить из таких сальных серых чашек было брезгливо. Хотя сам чай был ароматным – из луговых трав. Фая их сама собрала и засушила – об этом она поведала девушкам, доставая из шкафчика мармелад, который, судя по его состоянию, был ровесником Льва Толстого.

– Будущее узнать пришли! – радовалась Фая. – И что вам всем нейдет. Как будто бы настоящего вам мало. Я вот свое будущее знаю, и день смертный знаю даже. Думаете, легко с этим всем жить?

– Я бы не хотела узнать свой смертный день, – пролепетала Аня.

– Да кто ж тебе такое расскажет, – расхохоталась Фаина. Ее золотой зуб тускло блеснул в свете единственной пыльной лампочки. – Я же не чудовище какое, вещи такие людям говорить. Так, ну с кого начнем? Вы же знаете, что не бесплатно я это делаю? Сто долларов беру! С каждой.

– Сколько?! – ахнула Алена. За эту съемку она заработала двести. Хотелось встать и выйти из этой смрадной комнаты на свежий морозный воздух.

Но Аня и Рита покорно достали кошельки. И Алена тоже решила поплыть по течению. Наверное, первый раз в жизни не бороться, а отдаться судьбе. В конце концов, хоть опыт любопытный будет.

– А как вы это делаете? – спросила она. – Карты? Кофе? Руны?

– Фигуны, – беззлобно передразнила ее Фаина, ловко спрятав доллары за пазуху. – Все это для слабаков. Истинные ведающие все и так видят. Я как в глаза кому гляну – ну вся судьба как на ладони. У меня всю жизнь из-за этого с мужиками проблемы.

– Давайте я первая! – Рита зачем-то подняла руку, как прилежная ученица.

– Не вопрос.

Фаина метнулась к ней и нависла над девушкой как грозовая туча. Всех троих обдало запахом ее пота, который ведьма пыталась замаскировать с помощью дешевого клубничного дезодоранта. За ее спиной Аня поморщилась, а Алена сочувственно пожала плечами. А что делать, сами напросились. Никто их сюда не звал.

С минуту Фаина смотрела Рите в глаза. При этом сама Рита как-то обмякла на стуле, как будто бы все силы разом ее покинули.

– Сладкое будущее тебя ждет, девочка, – наконец глухо сказала Фая. Ее голос изменился, стал низким, грудным. – Недолго тебе по съемкам мотаться. В этом году свадьбу вижу твою.

– Мне всего двадцать один, – пролепетала Рита, – и я феминистка. Сначала – карьера, потом все остальное. Я же свою фотостудию хочу.

– Не перебивай! Будет у тебя своя фотостудия. Но не здесь, далеко-далеко. Муж тебе купит. Муж будет у тебя миллионер.

Тут уже Аня не выдержала и в ладошку прыснула. Ну где миллионер – и где Рита? Застенчивая, не отличавшаяся острым умом, медлительная, немного неловкая, да и внешностью судьба обидела. Она была похожа на плюшевого мишку – пухлые короткие ножки и ручки, круглая голова, любопытные глаза-бусинки. Миллионеры на таких Риточек и не смотрят, даже когда говорят им: «Девочка, подай мне две дюжины устриц, да поживее!»

– А ты что смеешься? – прищурилась Фая, переключив внимание на Аню. – Настрой весь мне сбила, девка окаянная. Дай-ка в тебя загляну, красавица ты наша.

– Да пожалуйста, – Аня вальяжно откинулась на стуле. – Мне тоже миллионера, пожалуйста. Можно без фотостудии, достаточно личного джета и пары яхт.

И все повторилось – Фая, точно удав, усталилась на девушку. Аня хоть и пыталась держаться борзо, но как-то побледнела. Улыбка сошла с ее оформленных дорогим косметологом пухлых губ.

– Я так и знала, – меньше, чем через минуту, сообщила Фая. – Перепутье тебя ждет. Должна будешь выбрать – алкоголь и падение вниз или спасение. Спасение – значит бедность и простая жизнь. Никаких тебе миллионеров с яхтами. Алкоголь тебе богатый мужчина давать будет. Спаивать. Ты тогда мои слова вспомни. Он на тебе все равно никогда не женится. Выбери спасение.

– Чушь какая! – нервно передернула тощими плечами Аня. – Девочки, пошли отсюда. Вы не видите, это просто шоу. И еще сто долларов за такое беспонтовое гадание берет, мошенница.

– Подожди, я третью посмотрю! – засуетилась Фаина. – А деньги не верну все равно. Я не виновата, что судьба у тебя не такая, как мечталось. Я судьбу только увидеть могу, но не изменить.

И она подошла к Алене, которой от всего происходящего стало как-то не по себе. Тревожно. Взгляд у Фаины был тяжелым. И глаза – водянистыми, как у жабы. Из рта ведьмы пахло луком и черным хлебом. У Алены закружилась голова, и она призвала на помощь все внутренние силы, чтобы не отвести взгляд старухи. Все-таки сто долларов отдала, жалко. Хотя и не надеялась ни на что. И не верила, что такая дурнушка, как Рита, действительно может встретить принца-миллионера. И что такая ответственная девушка, как Аня, ни разу не опоздавшая ни на одну съемку, может позволить себе спиться. Алкоголь для профессиональной модели – это почти мгновенная смерть карьере. Очень уж отражается на лице.

– Странно, – сказала Фая, нахмурившись. – Очень странно. Впервые такое вижу.

– Ну что там еще? – как-то обреченно спросила Алена.

– Чудовище вижу... Да вот только не верю я в чудовищ. Если они не люди. А я не человека вижу. Это что-то другое.

– Пойдем, – зашипела озлобленная Аня, которой не досталось сладко помечтать о миллионере-спасителе. – У нее белая горячка, вы что, не видите?

– Чудовище к тебе придет. Жить в тебе захочет. Душу твою выкинет и ее место займет. И ничего ты сделать с этим не сможешь. Все. – И Фаина замолчала. На ее лбу выступили бисеринки пота, а дыхание стало тяжелым, словно она только что по лестнице на десятый этаж взобралась.

– Что значит «все»? – нервно поинтересовалась Алена. – Какое такое чудовище? Вы о чем вообще?

– Ничего больше сказать не могу. Это все, что я увидела. Все, сеанс окончен. Если вы уже допили чай, уходите восвояси. А если не допили, уходите все равно.

На улице девчонки бросились Алену утешать. Рита сказала, что в ее детстве Фаина вела себя по-другому. И с каждым, кто приходил к ней погадать, часами беседовала. А не вот так – тят-ляп за пару минут. Должно быть, она с возрастом растеряла свой природный дар. И ничего удивительного – жизнь-то в деревне тяжелая. Аня вообще не верила, что этот самый дар у Фаи когда-либо существовал. Ее диагноз был однозначным – обычная деревенская пьянчужка, пересмотревшая «Битву экстрасенсов».

Постепенно Алена успокоилась. Хотя первые дни сохранялось тягостное впечатление. И никак она забыть не могла водянистые глаза Фаины.

Но потом насыщенная модельная жизнь закрутила ее в свой водоворот и визит к странной ведьме до поры до времени забылся.

До поры до времени.

Спустя два месяца после визита к ведьме Аня сообщила Алене, что встретила мужчину своей мечты. Это крупный дальневосточный бизнесмен, он женат, но собирается развестись. Он снял для Ани шикарный пентхаус, купил машину, оплатил услуги водителя и каждый месяц сбрасывал ей на карточку солидную сумму. И он был симпатичный и относительно молодой – сорок восемь лет. Казалось бы, лакомый кусочек. Но был один изъян. Бизнесмен был алкоголиком.

– Просто работа у него нервная, вот и расслабляется по вечерам, – легкомысленно смеялась Аня. – Он же не блюет в коридоре, не ловит глюки, что вы все так всполошились. Никаких проблем!

Но проблемы были. Аня начала выпивать с ним. Сначала пара бокалов вина за ужином. Ничего страшного. Потом – уже бутылку на двоих. Потом – больше. А в один прекрасный день

агент сказал, что ему трудно пристраивать на съемки Аню, потому что клиенты жалуются на ее отекающее лицо и помятый вид. Аня была девочка горячая, поэтому немедленно послала агента в жопу. Моделинг теперь был для нее скорее развлечением, а не хлебом насущным. Да она теперь на педикюр тратила больше, чем зарабатывала за день модельной работы.

Алена видела, что Аня катится в пропасть. Но поделаться ничего не могла. И не тот у Ани был характер, чтобы прислушиваться к чьему-то мнению. Она скатилась очень быстро. Буквально за полтора года растеряла свежесть и то особенное эльфийское очарование, за которое бизнесмены и любят модели. У нее начались депрессии. Она все чаще позволяла себе истерические выходки.

Только один человек мог справиться со спивающейся красавицей. Этим человеком был ее водитель Валерик, простой бесхитростный парень. Влюбился в свою начальницу. Все это замечали, кроме самой Ани. Хвостиком за ней ходил. Парень он был видный. Даже, пожалуй, красивый. Высоченный, синеглазый, с растрепанными русыми волосами. Но с маленькой зарплатой, что автоматически делало его невидимкой в модельных кругах.

Однажды Аня потерялась. Пошла на какую-то вечеринку, выпила лишнего, с кем-то поссорилась и ушла в ночь. На ней было кружевное коктейльное платье и норковая накидка, довольно пафосная, но совершенно не греющая. А на дворе – мороз минус десять. Сумочку с деньгами, документами и телефоном она забыла на вечеринке.

Бизнесмен отнесся к ее исчезновению философски.

– Погуляет и вернется, куда она денется, – сказал он, когда встревоженные Анины подруги ему позвонили.

– А если насмерть замерзнет? А если ее ограбят и изнасилуют?

– Не замерзнет! А ограбят – ну отберут манто, подумаешь. Новое ей куплю, еще дороже. А изнасилуют – от нее не убудет. Сдаст потом анализы и будет полгода в презервативах трахаться, – и хохотнул утробно.

А вот Валерик всю ночь Аню искал. И под утро нашел-таки – заплаканную, без норковой накидки и в каком-то дешевом баре, куда ее пустили погреться. Аня когда его увидела – бросилась на грудь и рыдать начала, в голос. Валерик ее на руках отнес в машину. И повез к себе домой, в скромную съемную однушку в Митино. Набрал для нее ванну, накормил блинами, отпоил крепким чаем, уложил выспаться. Бизнесмен не искал ее даже с утра. Был уверен, что с такими, как Аня, ничего не случается.

Утром выпавшаяся, порозовевшая Аня, которой вручили шипучий аспирин, свежий апельсиновый сок, крепкий кофе и жирный гамбургер, крепко призадумалась. Она впервые рассмотрела мужчину, который сидел напротив нее и встревоженно расспрашивал о ее самочувствии, – своего водителя Валерика.

Из-за нее, занявшей его постель, он остаток ночи провел в неудобном кресле.

Он выглядел уставшим. Но не жаловался.

Вот ее бизнесмен, которого она тщетно прочила в мужа («Я обязательно разведусь, просто нужно немного времени все устаканить с документами!»), был ужасным нытиком. Чуть только температура его тела поднималась выше тридцати семи, как он начинал играть в умирающего – гонял ее то в магазин за грейпфрутами, то в аптеку за какими-то новомодным немецким порошком, то просил почитать ему вслух скучнейшую политическую прессу, то помещать холодный компресс на ее лбу. Была однажды ситуация – они оба страшно загрипповали. У обоих была высокая температура и ломота в костях. При этом бизнесмен лежал в постели, Аня же варила для него куриный бульон, который он еще смел критиковать («Моя жена делала более прозрачный! Это был настоящий эликсир здоровья!»).

Да и другие мужчины ее не баловали. То есть ей дарили цветы, вывозили ее на престижные курорты, иногда покупали ей дизайнерские сумки или побрякушки с драгоценными камнями... Но никто никогда о ней не заботился. Подарок красивой женщине – это была часть

этикета, их привычного образа жизни. Красивая женщина – это ресурс. Ресурс надо подкармливать.

Валерик был другим.

Но Аня отогнала эти мысли прочь. Водитель Валерик. С зарплатой в тысячу долларов и курткой, купленной на Савеловском рынке. Валерик, который к праздникам покупает крымское вино и дешевую красную икру в жестяных баночках. Валерик, который и мира-то не видел, если не считать миром его дачу в Салтыковке. Аня списала свои мысли на пьяную сентиментальность.

И вернулась домой. Где ее никто не ждал: бизнесмен преспокойно спал в своей кровати, в его ушах были удобные беруши, а на глазах – непроницаемая повязка. Телефоны, конечно, отключены. Как большинство деловых людей, он дорожил своим сном.

– А если бы меня убили?

– Так не убили же! Вот ты, живее всех живых!

– Ты бы узнал об этом последним!

– Зачем говорить о том, чего не было и не будет?.. Ну что ты такая истеричная сегодня? Хочешь, поедем и купим тебе чего-нибудь?

Они поехали и купили ей платье стоимостью в две зарплаты Валерика.

Аня потом Валерику пожаловалась. И вообще, у них установились отношения, которые она сама не могла определить ни как дружбу, ни как кокетство. Но теперь она садилась в авто на переднее сидение. Бизнесмен однажды увидел и удивился. Аня соврала, что ее укачивает сзади. Он не ревновал, конечно. Считал, что мужчине его калибра ревновать незачем – да к нему очередь из женщин модельной внешности стояла. Лакомый кусочек.

Когда Аня рассказала об этом всем Алене, та сразу ведьму вспомнила. И снова вернулось состояние тревоги. Получается, что права была Фаина. Все получилось так, как она и пророчила: алкоголь плюс богатство или спасение, но отказ от прежней жизни. Алена напомнила обо всем Ане, но та только посмеялась.

– Издеваешься, что ли? Нет, я знаю, что Валерик давно на меня дробит. Как и многие. Но где я и где он.

– Он не просто дробит, – возразила Алена. – Похоже, он тебя любит.

– Рай в шалаше не мой формат.

– А спиваться в пентхаусе – твой?

После этих слов Аня с ней две недели не разговаривала – обиделась страшно. А когда через две недели объявилась, в ее жизни произошли существенные изменения.

– Я с ним переспала. С Валериком.

– Почему это меня не удивляет?

– А вот меня удивляет. Сама не знаю, как все вышло. Поссорилась со своим... Он сказал, что я стала жирная корова. Ну подумаешь, поправилась на два кило. Сам же меня и раскармливает. С моим ростом этого и не заметишь. Но он рассмотрел.

– Потому что ты для него – аксессуар, а не любимая женщина.

– Ну я и пожаловалась Валере. А он сказал, что я буду самой прекрасной женщиной, даже если наберу тридцать кило. Потому что от меня исходит свет. И так посмотрел... Знаешь, на меня никто так не смотрел. Вожделенно смотрели, но вот с таким восхищением... И я его поцеловала.

– А он?

– А он офигел, конечно. Но быстро сориентировался. Привез меня в свою убогую квартиру. Представляешь, у него даже геля для душа нет. Обычное детское мыло. Но это было круто. Я совсем не стеснялась. Впервые была в постели самой собою. Не пыталась принять какую-то хитрую позу, чтобы грудь побольше казалась... В общем, я в растерянности.

– Выбирай спасение. Все равно бизнесмен твой на тебе не женится. Выбирай спасение, – вырвалось у Алены.

– Опять ты цитируешь эту псевдоведьму, – поморщилась Аня. Впрочем, ее слова звучали не так уж уверенно.

Аня выбрала спасение. Собрала вещи и переехала в Митино. Бизнесмен настолько удивился, что потом еще долго рассказывал об инциденте друзьям. В его интерпретации это была анекдотическая история. Его бросили из-за водителя! Подумать только – ведь сущий водевиль! И все друзья смеялись тоже.

Он даже не попытался Аню вернуть. Ни разу не позвонил ей. Еще месяц назад врал, что скоро разведется и женится на ней, и вот так – просто вычеркнул из жизни. Аня потом узнала, что он сразу же начал встречаться с одной из ее подружек. Тоже спаивал ее хорошим вином. Поселил в пентхаус. И врал о том, что скоро разведется.

От истории с Аней, которая оказалась-таки на распутье и которой пришлось выбирать между гибелью и спасением, Алене было не по себе.

Но еще больше она заволновалась, когда узнала новости из жизни Риты, ассистентки фотографа. Обратила внимание, что давно не видела ее на съемках, начала расспрашивать и выяснила, что Рита теперь живет в Нью-Йорке со своим женихом. И у нее своя фотостудия. Фотографирует чуть ли не для «Вог».

– Да как она ухитрилась найти такого мужчину? – удивлялась Алена.

– Не поверишь, но банально – в тиндере. Просто лайкнула чувака какого-то. Он и не выглядел миллионером. Рыженький, в какой-то дурацкой клетчатой рубашке. Оказалось – наследник состояния. Быстро у них срослось. Через месяц сделал ей предложение и увез в Нью-Йорк. Ты бы ее сейчас видела. Ходит вся такая важная, в платьях дизайнерских и с «Никоном» на шее.

– Получается, что и у Риты сбылось предсказание. Но тогда...

Что же тогда означали слова Фаины про чудовище, которое выкинет вон ее, Аленину, душу и займет ее место?

Глава 6

Работать Лиля начала уже со второго курса. Снималась в телесериалах. В тех самых сериалах, которые казались ей мутной мыльной водой... И даже не в главных ролях, нет, брали ее на разовые роли уборщиц-киргизок, свидетельниц преступления или домработниц. Но ей было все равно. Это была тренировка. Она верила, что когда-нибудь найдет своего режиссера. И свой сериал, для начала – сериал, где главная героиня будет с экзотической внешностью. А уже потом придет время для серьезного кино. Потому мечту свою – сниматься под красивой фамилией Северная – пока придерживала. Лилия Колыванова могла играть домработниц, Лилия Северная должна была сыграть принцессу степняков, кого-нибудь вроде Дейнерис Таргариен из сериала «Игра престолов».

«Я не принцесса, я – кхалиси!» – гордо произносила Лиля, надевая костюм домработницы и повязывая волосы платком. Грумерша должна была не подчеркнуть ее красоту, а спрятать...

О чем будет серьезный фильм, в котором она сыграет, Лиля так и не решила. Еще не выбрала для себя ту самую книгу, в экранизации которой она хотела бы прославиться, ту самую героиню, которой она хотела бы стать. Хотелось чего-нибудь с надрывом. Про невозможную любовь, про болезнь или про войну. Чтобы страшно, больно и прекрасно. Но «Список Шиндлера», «Корчак», «Берлинский роман», «Аты-баты, шли солдаты...», «Титаник», «Битва за Севастополь» и еще «Не сдавайся» Гаса Ван Сента – все любимые фильмы Лили были уже сняты. Без нее.

– И чего тебе такие все унылые фильмы нравятся? Я их смотреть не могу, слишком грустно. А советскими меня вообще в детстве перекормили, – говорила тетя Оксана.

– А жизнь вообще невеселая штука, – мрачно и философски отвечала Лиля. – И мне кажется, советское кино – очень хорошее и недооцененное.

Лиля с тоской думала о том, что по ее данным роль для нее нашлась бы только в «Берлинском романе», но ей совершенно не хотелось перевоплощаться в Мицуко. Впрочем, никто и не предлагал. Ничего хорошего ей не предлагали. Самая большая ее роль – роль жены китайского бизнесмена в очередном криминальном сериале. Там, правда, она вообще не говорила, зато макияж и наряды были красивые, и на экране она присутствовала целых восемь серий, пока ее не убили.

Уставала Лиля, конечно, страшно, но тетя Оксана заботилась о ней, как о маленькой: иногда одеваться помогала, умывала и причесывала, заставляла хотя бы выпить домашнего йогурта, когда на съемки Лиля вставала в несветлую рань. Вообще, Лиля была бы ничуть не против, если бы оказалось, что именно тетя Оксана ее настоящая мать. Лучшую мать невозможно было и пожелать. Может, по какой-то причине она сменила имя и... Нет, тут сюжет не складывался совсем. Но какая разница – родная ли мать ей тетя Оксана? В глубине души Лиля ее и только ее считала своей мамой. Только к ней чувствовала тепло.

Иногда до Лили доходили вести о бывших одноклассниках. Марина регулярно звонила, связывалась по скайпу, но это «регулярно» становилось все реже: много работала, уставала. Но на каждый день рождения и Новый год присылала роскошные подарки. То пудру какую-то особенную, то шарфик, то духи, то сумку. Лиля думала, глядя замшевый сливочный бок очередной сумки, с помощью которой она уже завтра будет притворяться востребованной и успешной: это благодарность или Марина действительно считает ее, Лилю, своей единственной подругой?

Катя поступила в Литературный институт и зарабатывала на жизнь, сочиняя любовные романы, которые издавались под иностранными псевдонимами. Тетя Оксана покупала и читала эти романы, ей было интересно, что пишет знакомая девочка. Лиля боялась к ним даже при-

касаться. Этим романам Катя отдавала годы своей жизни, свои невоплощенные мечты о том, чтобы писать сказки для детей, – сказки были менее востребованы. Эти романы были ее первыми ступеньками к одиночеству, позднему браку и ранней смерти...

Про Настю она знала только, что та никуда не поступила, что родители подарили ей «розовый автомобиль», что она мотается по клубам и ничего не делает. Источником всей информации была тетя Оксана, иногда общавшаяся с родителями бывших Лилиных одноклассников. Лиля предпочла бы вовсе ничего не знать... Она уже знала, что не пойдет к Настиным родителям, и не станет их предупреждать, и никого предупреждать не станет. Потому что ей не поверят.

У нее еще несколько раз случилось это... Она не знала, как назвать эти припадки. Всегда – в тот момент, когда она находилась в компании людей, которые были ей более-менее знакомы и не безразличны. Всегда – когда она была расслаблена и в хорошем настроении. Когда не ожидала. Вдруг приходили видения будущего. И никогда она не видела что-то банальное, никогда не видела обыкновенную жизнь. Всегда – или огромную удачу, или страшное горе. А потом – плата: ей становилось дурно, подскакивала температура, скорая, больница...

Один раз попался упрямый врач, который продержал ее две недели, обследовал скрупулезно, от денег тети Оксаны отказался. Но так ничего и не нашел, кроме начинающегося гастрита и повышенного гормона стресса. «Едите нерегулярно и много нервничаете», – мрачно сказал он. И выписал Лилю: она была абсолютно здорова.

Врача очень удивило, что Лиля в двадцать один год была девственницей. Но вопросы личного характера, к счастью, не задавал и к психологу не посылал. Возможно, длинные волосы Лили навели его на мысль о том, что она религиозна и хранит чистоту до брака. Правда, она не носила креста. Но, что врач думал на эту тему, Лиля могла лишь предполагать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.